

5. Рассадин, С. Е. Истоки государственной символики Беларуси / С. Е. Рассадин. – Минск : Беларусь, 2014. – 112 с.

6. Турлай, И. С. Выбор белорусского народа – сохранение и развитие страны / И. С. Турлай // Белорусская думка. – 2021. – № 1. – С. 58–61.

7. Турлай, И. С. О национальном флаге и гербе Беларуси: Правда истории и разоблачение вымыслов / И. С. Турлай. – [Б. м.]: Издательские решения, 2021. – 114 с.

8. Falbr, A. Tradiční a současné státní symboly Běloruska a referendum roku 1995: Bakalářská práce [Electronic resource] / A. Falbr; Univerzita Karlova. – Praha, 2017. – Mode of access: https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/93240/BPTX_2014_1_11210_0_409068_0_161910.pdf. – Date of access: 23.10.2023.

*А.Г. Цымбал, кандидат исторических наук, доцент
МГЛУ (Минск)*

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Понятия «историческая политика» и «политика памяти», часто употребляемые как равнозначные, относятся к проблематике политического использования истории посредством избирательной интерпретации исторических событий и конструирования исторической памяти и продвижения определенного нарратива с целью формирования национальной идентичности. Данная статья посвящена анализу исторической политики в Польше в период ее вступления в Европейский Союз. Цель статьи – изучить особенности формирования и реализации исторической политики в Польше в процессе вступления в Европейский союз.

Взаимосвязь между национальной идентичностью и коллективной памятью имеет сложный характер. Память выступает в качестве источника идентичности, создавая общий исторический нарратив и способствуя формированию чувства принадлежности у граждан страны. В случае Польши память сыграла важную роль в формировании национальной идентичности. Память об исторических событиях, таких как Варшавское восстание и движение «Солидарность», стала центральным элементом самосознания поляков.

Память также выступает в качестве маркера национальной уникальности и самобытности. Польские нарративы памяти часто подчеркивают ценности солидарности, самопожертвования и патриотизма, рассказывая об исторической борьбе и победах народа.

Политика памяти в Польше формировалась под влиянием различных институтов и инициатив. Особое место в исторической политике занимает

Институт национальной памяти, который помимо архивной работы и популяризации польской истории, имеет следственные функции и занимается расследованием преступлений, совершенных в прошлом против польского народа [5].

Организации гражданского общества и общественные инициативы в области памяти также сыграли важную роль в формировании политики памяти в Польше. Неправительственные организации, мемориальные объекты, музеи и низовые движения возникли для сохранения и продвижения, в том числе, альтернативных нарративов памяти. Эти инициативы направлены на то, чтобы маргинальные голоса и исторические события не включенные в официальную версию истории не были забыты, что должно способствовать формированию более разнообразного и инклюзивного ландшафта памяти в Польше.

Курс на вступление Польши в Европейский Союз привел к значительным изменениям в политике памяти. С одной стороны, Европейский союз делает акцент на общих ценностях, правах человека и историческом примирении, что требовало от Польши приведения политики памяти в соответствие с европейскими нормами. С другой стороны, членство в ЕС предоставило Польше возможность участвовать в транснациональных дискуссиях о памяти и добиваться включения польского видения истории в общеевропейский контекст.

Европейский подход к исторической политике можно определить понятием европеизации. В контексте политики памяти европеизация подразумевает сближение нарративов памяти в Европейском союзе. Политика памяти играет важную роль в более масштабном проекте европейской интеграции. В ЕС большое внимание уделяется общим ценностям, правам человека и историческому примирению. Нарративы памяти способствуют формированию общеевропейской идентичности и взаимопониманию между странами-участницами. Признавая и устраняя историческую несправедливость, страны могут способствовать формированию чувства солидарности и коллективной памяти, основанной на общей истории и ценностях. Особое место в европейской политике памяти занимает Холокост и идея общей ответственности за геноцид еврейского народа в годы Второй мировой войны. Европейский Союз призывает государства-члены разрабатывать политику памяти, способствующую примирению, толерантности и соблюдению прав человека.

Сближение нарративов памяти в контексте ЕС потребовало от Польши признания и рассмотрения сложных исторических событий, которые долгое время были маргинализированы или отрицались в официальных нарративах памяти. Процесс европеизации бросил вызов самовосприятию Польши

как виктимной нации, потребовав от нее столкнуться со сложными и неудобными аспектами своей истории.

Вступление Польши в Европейский Союз также породило споры и противоречия, связанные с памятью. По мере того, как Польша пыталась примирить свои нарративы национальной памяти с европейскими подходами, росла напряженность в интерпретации отдельных исторических событий. Данные противоречия были отражением политического размежевания в польском обществе, где леволиберальные силы были настроены более проевропейски, по сравнению с правоконсервативными, среди которых нарастало опасение относительно размывания национальной идентичности в рамках наднациональных проектов и интеграций. Для консервативных сил подобная «педагогика стыда», то есть обращение к темным, негероическим страницам польской истории являлась недопустимым [4].

Один из значимых споров о памяти касался соучастия поляков в Холокосте. Наиболее резонансным кейсом в рамках данного вопроса стала «резня в Едвабне», деревне в Белостокской области БССР на момент лета 1941 г., где с приходом немцев поляки приняли самое активное участие в убийстве местного еврейского населения. Публикация книги Я. Гросса «Соседи» [1] вызвала бурную дискуссию в польском обществе. Польша, ставшая жертвой нацистской оккупации и местом многочисленных злодеяний, в официальном нарративе памяти позиционирует поляков как героический народ, противостоявший нацистской агрессии. Однако некоторые польские политические деятели и организации преуменьшают или отрицают причастность поляков к преследованию евреев, что приводит к столкновению с европейскими нормами памяти, которые подчеркивают важность признания всех аспектов Холокоста. Дело Едвабне бросило вызов традиционному представлению о поляках как о жертвах Второй мировой войны, подняв неудобные вопросы о коллективном прошлом нации и ее ответственности за преступления, совершенные во время войны. Спор о памяти отразил более широкие противоречия между ожиданиями ЕС в отношении исторического примирения и польскими нарративами, подчеркивающими польский героизм и сопротивление.

Значимыми являлись дискуссии и об интерпретации коммунистической эпохи. Если для леволиберальных сил в Польше отношение к периоду Польской Народной Республики было более спокойным и польские социал-демократы в 1990-е – начале 2000-х гг. скорее негативно относились к идее сведения счетов с коммунистическим прошлым, то правоконсервативные партии делали акцент на виктимизации и сопротивлении тоталитарному коммунистическому режиму. Однако европейские нормы памяти подчеркивали необходимость всесторонней оценки коммунистической эпохи. С другой стороны, в после получения членства в ЕС новое польское консервативное правительство по руководством партии

Право и справедливость начало проводить активную внешнюю историческую политику, направленную на утверждение в европейской памяти концепта Польши – жертвы двух тоталитаризмов: нацистского и коммунистического.

Споры об истории высветили противоречия между национальной памятью и европейскими нормами памяти. Стремление Польши сохранить свою национальную идентичность и историческое самовосприятие вступало в противоречие с призывами к более широкому и критическому изучению своего прошлого.

Травматическая история Польши и опыт внешнего господства повлияли на ее историческую политику, способствуя сильному акценту на глорификации националистических сил, сопротивлении и виктимности [3], что приходило в противоречие с космополитичным и транснациональным подходом к памяти, продвигаемым Европейским союзом.

Расхождение нарративов памяти в Польше и Европейском союзе также актуализировали вопросы национального суверенитета и идентичности. Правоконсервативные польские деятели сопротивлялись или отвергали европеизацию памяти, считая ее угрозой независимости страны и уникальности ее исторического опыта. Они утверждали, что европейские нормы памяти рискуют размыть или затмить специфический исторический нарратив и самобытность Польши.

Дискуссии о памяти влияют и на восприятие Польши в Европейском Союзе. Националистический нарратив, продвигаемый правительством Права и справедливости, стремился укрепить суверенитет и уникальность Польши путем утверждения особой исторической памяти. Однако такой подход способствовал отчуждению Польши от европейских норм исторического примирения. Историческая политика Польши все больше рассматривается как вызов общему европейскому проекту памяти. Продвижение Польшей нарративов памяти, в которых основное внимание уделялось страданиям и героизму поляков во время Второй мировой войны и при этом умалялись другие аспекты истории, такие как роль польских коллаборационистов или история антисемитизма в самой стране, обострило ее отношения с такими странами, как Германия и Израиль [2].

В заключение следует отметить, что вступление Польши в Европейский Союз создало как проблемы, так и возможности для исторической политики. Акцент ЕС на общих ценностях, историческом примирении и правах меньшинств потребовал от Польши привести свою политику памяти в соответствие с европейскими нормами. Однако членство в ЕС также открыло возможности для транснациональных дискуссий о памяти и вовлечения в более широкий европейский проект памяти. Нахождение в ЕС также дало возможность Польше продвигать свой нарратив памяти в общеевропейском

масштабе. Приход к власти партии Право и справедливость в середине 2000-х гг. привел к пересмотру исторической политики, которая приобрела выраженный националистический характер и была основана на глорификации польского антинацистского и антикоммунистического сопротивления, а также католической церкви. Данный подход стал активно продвигаться и в рамках Европейского союза.

Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

Список источников

1. Gross, J. T. Neighbors: the destruction of the Jewish community in Jedwabne, Poland / J. T. Gross. – Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2001. – 261 p.
2. Kociszewski, J. Izrael: presja na Polskę w sprawie ustawy o IPN była skuteczna [Electronic resource] / J. Kociszewski // Wiadomości.pl. – Mode of access: <https://wiadomosci.wp.pl/izrael-presja-na-polske-w-sprawie-ustawy-o-ipn-byla-skuteczna-6267276372629121a>. – Date of access: 10.01.2023.
3. Leszczyński, A. PiS zdemolował polską historię. Kult bohaterstwa i męczeństwa przysłonił wszystko [Electronic resource] / A. Leszczyński // Oko.press. – Mode of access: <https://oko.press/pis-zdemolowal-polska-historie>. – Date of access: 10.01.2023.
4. Traba, R. Przeszłość w teraźniejszości : polskie spory o historię na początku XXI wieku / R. Traba. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2009. – 325 s.
5. Ustawa [Electronic resource] // IPN. – Mode of access: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/ustawa/24216,Ustawa.html>. – Date of access: 10.01.2023.

Я.А. Шумаков, студент

*Научный руководитель – Б.В.Ф. Агоннуде, кандидат политических наук
РУДН (Москва)*

ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В 1940-х гг. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В понимании И. В. Князевой, манипуляция, понимаемая в широком смысле, имеет прямое отношение к поддержанию стабильности социального порядка, в том числе и в сфере национальной идентичности [1]. Таким образом, по нашему мнению, можно говорить о манипуляции «во благо», служащей, например, формированию национальной идентичности в стране, на территории которой проживает множество этнических групп, в прошлом конфликтовавших друг с другом. Наднациональная (надэтническая) идентичность, сформированная в том числе и с помощью манипуляции (направленной,